

МОРОЗКО

ТЯЖЁЖНАЯ СКАЗКА

СЕРГЕЙ КОНДРАТОВ

Сергей Кондратов

Морозко. Таёжная сказка

«Автор»

2026

Кондратов С. Б.

Морозко. Таёжная сказка / С. Б. Кондратов — «Автор», 2026

Время идёт, а сказочные персонажи переходят из века в век. Нет, они не остались лишь выдумкой предков, их мудрой фантазией. Они пережили много эпох и, будьте уверены, их волшебной силы хватит на то, чтобы освещать путь ещё многим-многим поколениям. Один из таких героев – Морозко – живёт где-то в самой чащобе русской Тайги. Живёт-поживает, сам не подозревая о том, что он уже не обычный егерь. Слышите ли протяжный вой студёного ветра за окном? Это Метель уже замела ему все входы-выходы в обычный мир и начала протяжную песнь о том, что волшебство всегда рядом. Зимняя сказка вступила в свои права вместе с первыми холодами.

© Кондратов С. Б., 2026

© Автор, 2026

Сергей Кондратов

Морозко. Таёжная сказка

МОРОЗКО Таёжная сказка ПЕРВАЯ ПОЗЁМКА

Тайга зимой – это вам не шутки. Она и летом-то не каждого привечает, а зимой обычному человеку тем более нечего сюда соваться. Особенно тому, кто хил, слаб духом и совершенно не готов утонуть в бездонном сугробе посреди хвойной чащобы.

Зима в Тайге начинается рано, примерно с октября. Иногда даже раньше – это уж какой год выдастся. Но каждый раз егерь Алёша готовился к ней заранее и основательно. Хотя слово «егерь» резало ему слух. Лесник – куда ближе и на язык ложится проще.

Алёша готовил множество запасов на долгую зимовку: ягоды, грибы, солонина. Даже для него одного в обычный погреб столько еды да всяких нужных мелочей не влезит, потому часть провианта складировалась на дальней заимке. Всё одно – владения обходить надо, а покуда дойдёшь в одну сторону – устанешь, по рыхлому снежку-то! Вот и есть где отдохнуть, почаёвничать, отогреться.

Тайга-матушка большая да холодная, бравировать здесь не надо. Лишний раз переведи дух, отхлебни горяченького напитка – с тебя не убудет. А то знавали здесь таких героев, которые якобы могли на морозе сутками дичь стеречь. Где-то они теперь? Вместе с каким сугробом растаяли по весне?

Уже в ноябре, когда снег надолго окрасил леса в единый белый цвет, Алёша кожей почувствовал, что наступают не обычные холода, а прямо небывалые. Он и сам не мог объяснить, откуда взялось это тревожное ощущение в груди: Тайга замерзает... Даже странно как-то! Нет, за себя он не переживал, ибо с самого детства отличался необычайной морозоустойчивостью. Ему и варежки шерстяные не нужны были, чтобы играть в снежки. Да и несподручно в них белые снаряды лепить – возня одна.

В самые холодные дни, когда прочих детей родители заботливо кутали в три шерстяных слоя одежды, молодой лесник мог спокойно щеголять в лёгком полушубке да ботинках на один носок. Он первым выходил во двор со своими салазками на верёвочке, первым заканчивал строительство снежной крепости, а в битве снежками был просто непобедим. Неповоротливых – в такой-то «капусте» из одёжи! – сверстников Алёша одолевал так скоро, что даже скучно становилось. На салазках с горки он съезжал настолько быстро и ловко, будто они оживали и подчинялись одной только мысли. Но это лишь казалось. «Просто парень от природы закалён и ловок, – рассуждали меж собой взрослые. – Крепким мужиком растёт!».

На самом деле, егерь всегда с особым нетерпением ждал первых холодов и первого снега. Конечно, как и любой ребёнок, он хотел лета, каникул и моря, но стоило свежим октябрьским заморозкам зашепотать ему нос, как сердце тут же начинало бешено трепетать. В ожидании первых хлопьев он мог проводить ночи напролёт. Сидел на подоконнике и смотрел в окно. Вот сейчас, сейчас... Градусник уже давно «ушёл в минус», снег должен пойти с минуты на минуту... Точно внимая мальчишеским ожиданиям, низко-серые зимние тучи отпускали на землю медленный снежный вальс. Воистину, волшебный танец!

Да, любил Алёша зиму, и страсть как ждал её! И холода ему всегда были нипочём. Так что не за себя он сейчас тревожился. Обитатели Тайги – вот о ком стоило крепко подумать. Но каждое деревце не укроешь, каждого зайца не укутаешь в ещё одну шубку потеплее. Что делать? Ждать...

Стоя с деревянной лопатой в руках, лесник вдохнул полной грудью морозный воздух и продолжил расчищать снег вокруг своей избушки. Тайга затаилась под белым тёплым пледом.

МОРОЗ КРЕПЧАЕТ

Слаще всего Алёше спалось под колыбельные песни метели. Пока она сметала в сугробы мириады снежинок, он мог спокойно смотреть свои сны. Метель сторожит покой Тайги. Если она властвует меж деревьев, полян и рек, то ничего плохого произойти не может. В такую погоду даже злые силы не решаются показывать носа из своих тёмных нор.

Впрочем, в подобную ерунду – леших, водяных и прочих барабашек – Алёша не верил. Потому и спал крепко. Когда он был маленьким, бабушка часто ему повторяла, что бояться нужно живых людей – от них куда больше неожиданностей, нежели от вымышленных персонажей. «А если до ближайшего человека километры да километры, – рассуждал сейчас Алёша, – то, выходит, и бояться некого, можно спокойно посапывать в такт мелодии пурги».

Пуф!..

БУФ! Пуф! ПУБФ!

Сперва Алёша не поверил своим ощущениям. «Стучат в дверь, что ли?». Спросонок не ясно, почудилось ему или нет. Если вправду стучат, то кого могло занести в таёжную глушь ночью? «Нет, – решил он, подсовывая под подушку ладонь, – это просто избушка «танцует» вместе с метелью. Завтра надо поглядеть, не разбилось ли чего, упав с полки», – подумал лесник. А пока что спать, спать...

Пуф! Пуф!

Кто-то явно стоял за дверью и настойчиво пытался разбудить хозяина.

С одной стороны - быть такого не может! С другой – а вдруг кто-то из очень смелых и глупых охотников приболудился? Мало ли... В любом случае надо проверить, помочь. Алёша откинул в сторону лёгкое одеяло. Как есть, в трусах-боксерах да майке на голое тело, пошёл отворять.

Взявшись за обледенелую щеколду, он подумал вот о чём: метель уже двое суток властвует в Тайге, а значит, его избушку должно было замести едва ли не по самую крышу. В северном краю все двери потому и делают отворяющимися внутрь домов, чтобы после снежной бури можно было откопаться. Так как же может стучаться в дверь ночной гость? Или некто сумел всё быстренько там расчистить? Да и кто сказал, что за дверью всего один человек?

И человек ли?

– Кто там? – крикнул он тому, кто стоял за дверью. Возможно, его голос не был услышан, затерялся в вое метели. Быть может, тот бедолага настолько околел от мороза, что не может сейчас говорить?

Долго думать тоже нельзя, ведь промедление может стоить кому-то жизни. Такую ответственность брать на себя он не хотел и потому, прогнав из головы все мрачные мысли, решительно взялся за обледенелую щеколду. Она не поддавалась с первого раза – успела здорово призмёрзнуть, хоть и деревянная. Досадливо прикусив губу, Алёша стукнул по щеколде кулаком, как следует, дёрнул ещё раз.

Едва замок отъехал в сторону, как дверь с силой распахнулась, и хозяина избушки едва не смело вместе с ней. Благо, он крепко держался за ручку, а потому смог устоять на ногах. Алёшу будто ледяным душем обдало – да так, что аж дыхание перехватило! Он, привыкший к низким температурам, даже пожалел, что не набросил поверх исподнего свой тёплый тулуп.

Трудно дышать морозным воздухом – он сковывает горло и лёгкие, берёт в ежовые рукавицы каждый орган, замедляя движение и саму жизнь вокруг. Лесник понимал, что сейчас лучше вдыхать носом, да только и в ноздри забился снег. Этот же снег так залепил ему ресницы, что сквозь пелену не было видно ни зги.

– Входи, если ты там! Быстрее! – заорал Алёша прямо в снежную бурю. Его крик был попросту сметён снежным вихрем, а в рот будто кто-то снежком попал. Парень остервенело отплёвывался, пытаясь разглядеть хоть что-то в этой суровой выюжной пляске. Но тщетно – слишком сильна была метель.

На порог уже намело – будь здоров! Если простоять вот так ещё с минуту, можно попрощаться с жизнью. Потому что тогда дверь уже будет не закрыта, и его избушка не только снаружи, но и изнутри превратится в обычный для здешних краёв сугроб.

– Закрываю! – и снова ор лесника слился с воем метели. – Я закрываю дверь!

Отгородиться от бури оказалось не так просто. Дверь, обитая на зиму толстым слоем войлока, казалась непомерно тяжёлой. Да ещё с той стороны в неё упёрлось снежное плечо бурана. Валенки Алёши пробуксовывали в наметённой белой каше, что не давало ему как следует продвинуться вперёд.

Тогда он повернулся спиной к двери, присел, упёрся ногами в стенку и, скрипя зубами, поднатужившись так, что на шее вздулась вена, прижал-таки дверь к косяку. Одним движением вогнал язык щеколды в паз и шумно выдохнул облачко пара в холодную тьму избы. Теперь надо больше дров подбросить в очаг, чтобы поскорее отогрелось выстуженное жилище.

А сколько снега намело в дом! Вона, целый сугроб у ног. Пока он не растаял, надо бы его по вёдрам да тазикам распределить. Ни к чему здесь сырость разводить – вредна она для дерева. Досадливо крикнув, Алёша встал, чтобы принести нужную ёмкость из дальнего угла комнаты. Уже шагая с ведром к снежному холмику, выросшему в шаге от двери, ему почудилось, что белая кучка будто вздрогнула. «Показалось», – мысленно отмахнулся Алёша и зачерпнул ведром белый пух. Но вместо рыхлой снежной массы ведро ударилось обо что-то твёрдое.

– М-м-м, – жалобно замычал сугроб. Лесник отпрянул от сугроба, перехватив покрепче ведро, как единственное орудие. Белый холмик зашевелился и, осыпаясь на пол, комья снега обнаружили под собой сначала белый полушубок, затем белую шапочку с песцовой опушкой, а под шапочкой – бледное, но удивительно хорошенькое девичье личико. До самых щиколоток падала ослепительная, будто из первого снега точёная, коса.

Алёша дивился происходящему: девушка, ночью, одна... В столь грозную пургу, когда не видно не зги дальше собственного носа, заметила его избушку – это с погашенным светом-то! – и дошла до неё. Чудеса!

Будто очнувшись, хозяин вспомнил правила гостеприимства и, отложив все расспросы до утра, бросился помогать гостье. Подхватив её подмышки, поставил на ноги, отряхнул веничком снег с шубки. Шапочку тоже снял и пару раз хорошенько ударил ею об угол, высекая пучки белых искр-снежинок.

Теперь укутать глупенькую во что-нибудь сухое. Затопить печь, скорее. Снять с неё полушубок, сапожки – их на просушку, а саму гостью посадить ближе к огню. С головы до самых пят спеленать в толстенный плед цвета свежих сосновых иголок и оставить оттаивать закочевшее создание. А самому пока убрать всё-таки остатки снега с пола и надеть поверх трусов брюки, а то неудобно как-то...

Управившись, он молча сидел на своей постели. Задумчиво разглядывал этот маленький, жалкий холмик, почему-то боязливо отодвинувшийся от очага. В голове слились и непогожая ночь, и это странное событие. Будто сон наяву с ним происходит. Время уже, поди, совсем позднее, глаза пора сомкнуть, но не спится леснику. Подрагивают язычки пламени в очаге, в такт им вздрагивают плечи гостьи под зелёным пледом, в унисон им вздрагивают под натиском метели маленькие, узорчатые стёкла окон.

***

Алёша пробудился от бега мелких мурашек по коже. Холод в избе стоял такой, что аж стены заиндевели. В одну секунду ему вспомнилось маленькое ночное приключение – будто с десяток картинок разом пробежали перед глазами. Выпрямившись на кровати, Алёша обшарил взглядом избу.

Да вот же она – сидит у окна, на табурете, к Алёше спиной, и ему не видно, чем заняты её руки. Будто что-то чинит или мастерит. На ней длинная белая рубаха, такого же цвета плотные лосины, а вот шапочки нет – и теперь хорошо видно плетёное основание крепкой, тяжёлой косы, которая белым ручьём стекала по спине вниз. «Всю жизнь растила, поди, такую красоту», – подумалось Алёше.

– Доброе утро! – сказал он негромко, чтобы не испугать девушку. И всё же она вздрогнула. Видимо, о чём-то думала крепко, не слышала, как он проснулся, как скрипнула под ним кровать. Девушка обернулась, пряча лёгкий испуг под приветливой улыбкой:

– И вам доброе утро, хозяин! – голос её прозвенел робким колокольчиком. А какие глаза голубые! Словно кусочек льда из Енисея в солнечный день. – Простите, что потревожила вас ночью.

– Да уж, было дело ночью! – выдохнул клуб пара Алёша и поёжился. – Но ничего, лучше давайте печь растопим. А то изба совсем остыла.

– Только не слишком жарко топите, пожалуйста, – в глазах девушки диким зверьком прошмыгнула тревога.

Сама едва одета в такой-то морозище, а тепла боится? И этот факт Алёша внёс в свой мысленный список загадок. Ничего, скоро все ответы отыщутся.

Проходя к печи, он краем глаза заприметил, что в руках у девицы и есть её меховая шапочка, и она чинит её прозрачной иглой. Пластиковая игла, что ли? А нить как будто из серебра? Пальцы живёхонько так снуют, штопая дырку. «Надо же, какая искусница, хорошей невестой кому-то будет!» – улыбнулся про себя лесник.

Ожидая, пока печь задышит теплом, Алёша не утерпел и спросил:

– Вы простите мне моё любопытство – может, оно и не ко двору сейчас – но каким же это путём вас сюда занесло? Да ещё ночью! Хотя... Тайга, говорят, и не такое вытворяет, когда разметелится.

– Путей в Тайге много, это вы верно заметили. – Девица ловким движением поддела иглой серебряную нить, свивая из неё финальный, закрепляющий нехитрое шитьё, узел. – Но главный путь ведёт сюда, в ваш дом, Морозко.

***

– То есть... Чей дом? – Алёша решил, что девушка ошиблась.

– Ваш, ваш, – утвердительно кивнула та. – Вы же Морозко. И это ваш дом.

Она обвела взглядом избу, мол, очевидно же, что это дом некоего Морозко – только внимательней присмотрись. Парень покачал головой:

– Да нет же, это мой дом. А меня Алёшей звать, я здешний егерь... Лесник то есть.

– А вот и нет! – в тон ему разволновалась гостья. – Все знают, кто вы на самом деле. Просто забыли об этом. Знали, да позабыли. Владыка Зимней Тайги, Властелин Сибирских Морозов! Вот подите сюда, я вам покажу.

Она положила свою починенную шапочку на подоконник и поднялась с табурета. Алёша, на лице которого всё ещё блуждала глупая скептическая улыбочка, подошёл. Девчушка решительно взяла его руку и приложила к стеклу, толщина которого, казалось, была гораздо меньше толщи намёрзшего снаружи льда.

Егерь ощутил, как его ладонь чуть обожгло от прикосновения к холодным узорам. Он знал, что оконная наледь от тепла руки должна немного подтаять. Но этого не случилось.

Узоры, столь искусно вплетённые в квадрат окна, вдруг ожили, пришли в движение, чётко очерчивая контур его ладони. В страхе Алёша отдернул руку, а рисунок застыл на стекле пятернёй. Так дети забавляются, прикладывая к чистому листу бумаги свои пальчики и обводя их карандашом. Но молодому леснику сейчас было не до шуток от того, что контур его ладони словно по волшебству остался узором на стекле.

Девушка, видя его замешательство, вновь, но уже осторожно, чтоб не спугнуть, взяла его руку и с мягкой настойчивостью приложила к наледи.

– А теперь представьте хорошенько какой-нибудь рисунок и задержите его в голове, – тихо подсказала гостья. – Глаз от окна не отрывайте!

Немного помешкав, егеря напряг глаза так сильно, насколько был способен, даже щёки порозовели. Он представил картину, которая чаще всего возникала перед его лесничим взором. Тут же части узора разбежались в стороны от его ладони и послушно сложились в узнаваемую форму разлапистых еловых ветвей. Вышло довольно недурно – иголочка к иголочке.

– Тонкая работа! – похвалила его гостья.

Хозяин избушки молчал. В его голове весь мир со скрипом поворачивался, и Алёша силился понять, передом к нему или задом.

БРЫЗГИ ЗАМЁРЗШЕЙ ВОДЫ

Ток.. Ток... Ток...

Настенные ходики отсчитывали секунды новой жизни лесника Алёши. Теперь он и сам не знал, кем приходится этому миру. Раньше был обычным человеком. А теперь? Человек ли он, раз способен на такие чудеса?

Он долго стоял у окна, на котором тускло поблёскивала только что созданная им ледяная еловая ветвь. Своим тихим голосом гостья приводила парня в чувство. Потихоньку, помаленьку возвращала ему здравый рассудок.

– Принимать новое имя нелегко, я понимаю. Хотя... что я могу понимать? Я всегда была такой, какая есть, и вряд ли что-то круто переменится во мне. А вот вам следует многое вспомнить, многому научиться. Думаю, для начала стоит привыкнуть к имени. Вы – Морозко, Владыка Зимней Тайги!

– Морозко... – облачком пара выдохнул своё имя Владыка Зимней Тайги.

– Имя звучное, привыкнуть не сложно, – голос девушки зазвенел веселее. – Мне столько нужно вам рассказать!

– Начни со своего имени, будь добра, – перебил её хозяин... Хозяин уже не одной избушки и отведённой ему, как леснику, территории, а бескрайних таёжных просторов. Гостья встряхнула ослепительной косой:

– Снегурочка. Так меня зовут.

***

Она рассказала ему, что успела – до того мгновения, когда окно внезапно рассыпалось по полу избушки холодными брызгами.

Морозко был рождён давным-давно, в ту самую ночь, когда Вьюга и Вихрь взяли одну высокую ноту и спели всей Тайге на особенном зимнем языке. Когда дебелий мороз сковал все до единой иголки на хвойных деревьях, заставив их звенеть-подпевать белому вихрю, в пушистой сердцевине самого большого сугроба появился он, Морозко. Чтобы достать малыша, тот снежный холм своими лапищами раскидали бурые медведь да медведица. Они прервали свою сладкую спячку ради такого славного события.

Мохнатая пара бережно извлекла малыша на трескучий воздух. Новорождённый, казалось, был белее ослепительного снега, а глаза его брызгали свежей сосновой зеленью. Рядышком с ним лежала деревянная палица с искусной резьбой – бесценный подарок свыше.

Медведица надёжно укрыла малыша вместе с палицей в своей густой шерсти на загривке, и бурая парочка понесла таёжное чудо в Великий Устюг. Три дня и три ночи, не зная усталости, неслись медведи по снегам бескрайних лесов, по льдам широченных рек, поя на удивление спокойного младенца талым от животного дыхания снегом, кормя кашицей из пережёванных кедровых орешков да лесных ягод.

Наконец широкие лапищи медведя протянули ещё спящего с дороги малютку Деду Морозу. Великий зимний волшебник не смог утаить в своей белой бороде радостной улыбки – наконец-то явился тот, кому можно доверить необъятную Тайгу.

– Этот парень такие морозы наколдует – крепче моего! Да будут звать тебя отныне именем под стать – Морозко! – пробасил Дед Мороз и ударил весело своим резным посохом по полу.

Пир в честь наследника таёжных просторов начался!

За ледяными столами расселось столько волшебников в белых одеждах и простых снеговиков, что у обычного человека, забредя сюда, от такой белизны заслезилась бы глаза. Великий Устюг праздновал рождение нового волшебника три дня. Говорят, именно они стали самыми тёплыми днями убывающей зимы – теми самыми, когда люди впервые за долгие месяцы отваживаются выйти на солнышко без шапок, а перчатки убирают в широкие карманы курток. Некому было нагонять снег, студить воздух да укорачивать красную нитку термометра – хозяева холодов воздавали должное щедрому подарку Тайги.

К исходу третьего дня пиршества Метелица, супруга Дедушки Мороза, велела главной Снеговчихе доставить в Ледяной Зал новоявленного малыша, дабы гости ещё раз полюбовались на его белоснежное тельце, на этот ясный взгляд, впитавший хвою, и произнесли тост во славу его будущего правления Тайгой. Снеговчиха заторопилась, покатила в главный терем, к искусно вырезанной из цельной глыбы льда кровати, да только малыша как будто подменили: щёчки порозовели, тельце стало таким тёплым, что округлые ладошки Снеговчихи, подтаяв, увлажнились, едва она взяла его на руки.

Пожалуй, впервые за свою многовековую жизнь волшебники испытали чувства сродни недоумению. Скоро заметили, что из детской пропала палица.

– В этой палице заключена такая мощь, какую даже я не полностью могу понять, – нахмурившись, пророкотал седобородый чародей Зимы, – и без неё наш Морозко теряет свою зимнюю силу. Нужно срочно найти пропажу!

Снеговики спешно рассыпались по всему Устюгу, они заглядывали в каждый уголок, но подарок Тайги словно испарился. Увы, по всему выходило так, что вместе с палицей пропала и наполняющая Морозко сила, которой наделены все, к кому он принадлежал по роду-племени. Малыш больше не был белокожим, а зелёные искорки его глаз погасли.

После тяжёлых раздумий Зимний Совет утвердил следующее: пока не будут найдены крепкие улики, пятно подозрения в краже палицы не должно коснуться ни одного волшебника, живущего в Великом Устюге, либо за его пределами. Только Буран появился немного, требуя призвать к ответу Весенних чародеек. Мол, это в их интересах сокращать холода, а тепло своё всюду распространять. Но Бурана осадили – гнев лишь мутнит рассудок, затягивает взор красной пеленой. Негоже в таком состоянии выводы делать.

Зимний Совет, скрепя ледяное сердце, принял волевое решение: ежели малыш сам не охолонет как положено, то придётся вверить несостоявшегося Владыку Тайги людскому миру...

***

– Не остыл, стало быть, – вздохнул Морозко. – Зато хорошим людям отдали меня на воспитание. Те мне признались конечно, что не родные, а я их всё равно мамой и папой называл. Они же, как настоящие родители, всё мне отдавали. Случалось, что и себе в ущерб. А своих детей им не довелось родить...

Морозко умолк, вспоминая приёмных родителей, и как горько было провожать их в последний путь, когда сам ещё не окреп. Вспомнил, как после похорон ему захотелось бежать от несправедливого мира – туда, где можно быть, не пугая людей. По счастью, приятели помогли устроиться в лесхоз. В косматой глуши парню стало спокойней, хоть сердце порой и наливалось тяжёлой горечью.

На несколько секунд Морозко погрузился в свои детские воспоминания. Потом встрепенулся, виновато посмотрел на Снегурочку. Не сердчай, мол, что не в ту сторонку мысль повёл.

– Так сейчас-то что от меня требуется? По твоим словам, силу я потерял ещё во младенчестве и вам не особый помощник. Или... – догадливо прищурился парень, – нашла-таки палица?

– Не нашла, – успокоила его Снегурка. – Дело куда интересней складывается!

Но рассказывать подробнее не стала. Будто почуяв что-то, заторопила хозяина:

– Вы бы собирались скоренько, Владыка, а то путь не близкий...

ДзиньТРРРАХ!

Внезапный звон стекла не дал ей досказать. Внушительного размера сосулька разнесла оконце избы вдребезги вместе с тем дивным узором, что несколькими минутами ранее Морозко создал волшебным образом. Не успела опарашенная пара опомниться, как на жилище обрушился град ледяных пик. Кто-то всерьёз намеревался изрешетить дом лесника острыми сосульками.

Часть ледяных снарядов залетала в избу сквозь оконный проём и с грохотом разбивалась о прочную дубовую стену. Лесник со Снегуркой успели лечь на пол, но осколки, разлетаясь далеко, довольно чувствительно царапали кожу. Одна из ледышек, срикошетив от округлого бревна, рассекла бровь Снегурочки. Рана засочилась не алой кровью, как у людей, а голубой водой, однако девушка даже не удостоила её вниманием.

Надо было спасаться, ибо домишко, даже из прочного таёжного дуба, долго не простоит под таким натиском.

– Надо к стене! – крикнула она Морозко, указав на ту стену, в которой зияло выбитое окно. Сейчас это было самое безопасное место в избушке, ведь сосульки влетали внутрь дома только из этого квадратного проёма.

В пару мгновений они прижались спинами к брёвнам, которые содрогались так, будто снаружи по ним молотил ломом целый отряд крепких молодцев. Морозко вспомнил, какой урон может нанести сосулька, отколовшаяся с крыши многоэтажного дома. Железный автомобиль протыкает насквозь, а человека и вовсе... Убийственная мощь, что и говорить!

Жилище затрясло с удвоенной силой. Судя по грохоту, их окружили и лупят со всех сторон. Под ударами сосуллек дверь молотило так, что она вот-вот слетит с петель...

Благо, избушка у Морозко была небольшой. Протянул правую руку – снял с вешалки гвоздя свой тулуп да бобровую шапку. Сделал ещё полшага в сторону, присел – и вот она, ручка дверцы, ведущей прямо в подпол. С силой потянул ручку на себя, открыл тяжёлый люк, и хотел было жестом пригласить Снегурочку спуститься, но она сама всё поняла, в мгновение ока отпорхнула от стены, юркнула во мглу погреба.

Морозко, задержавшись на пару секунд, обвёл прощальным взглядом свой некогда уютный домик: тлеющие угольки в закопчённом зеве печи, крепко сколоченный дубовый столик, деревянная кровать-односпалка, старенькие настенные ходики, в одно мгновение ставшие

напольными, когда от тряски сорвались вниз. Их циферблат треснул, но видно, что стрелки встали на половине десятого утра.

«Эх, даже позавтракать не дали! – с досадой подумал Морозко. – Кто бы вы там ни были, придётся вам тоже оставаться несолоно хлебавши». Хозяин сотрясающегося под ударами домишки нырнул в узкий проём подпола, захлопнув за собой массивную дверьцу.

***

Внизу Морозко дал привыкнуть глазам к кромешной тьме. Он быстро, но не без опаски спустился по приставной деревянной лестнице и, оказавшись на полу погреба, снёс её в угол. Это должно ненадолго задержать нападавших. Хотя такие могущественные враги, стреляющие сосульками, как из пулемёта, наверное, плевать хотели на какие-то там лесенки.

Снегурка ждала его у высокого стеллажа с соленьями, закатанными в банки. Маслята, боровички, лисички... Перекусить бы сейчас, похрустеть крепкими грибными ножками, да некогда. Уже не так громко, но всё же хорошо слышно, как со всех сторон терзают несчастную избушку огромные сосульки.

– Что дальше, Владыка? – вопросительно поглядела на него Снегурочка. – Куда мы теперь отсюда?

– Ну-ка, отойди в сторонку, – Морозко подошёл к полочке с закатками и взял в руки литровую банку. Что-то щёлкнуло. Стеллаж, слегка заскрипев, отошёл от стены, открывая новый проход. – Нам сюда.

Лесник первой пропустил в потайной проход Снегурочку, затем вошёл сам и плотно затворил за собой дверь-стеллаж. Морозко чем-то зашуршал, чем-то звякнул, щёлкнул и осветил фонарём помещение. Снегурка увидела, что они оказались в небольшом подземном гараже. Земляные стены и потолок укреплены брёвнами. Пахнет мёрзлой землёй, машинным маслом, соляркой – в общем, ароматами, которыми по обыкновению пропитаны такие места. Имелись даже полки с инструментом, откуда хозяин и достал фонарь. Включил его. Снегурка увидела, что прямо посередине гаража, тускло поблёскивая в жёлтом луче, стоял некий агрегат, накрытый полупрозрачной плёнкой. Морозко подошёл к нему и одним рывком сорвал покров.

Снегоход!

Тёмно-синяя краска кое-где содрана от частой езды по лесу, на передних полозьях заметны щербинки, но широкая гусеница щедро смазана солидолом и готова нести ездоков далеко, в самые таёжные дебри.

– «Буран», – Снегурочка прочла надпись на боку снегохода. – Надо же! Его зовут прямо как нашего Бурана из Устюга! Ну, вы потом познакомитесь...

– Да, это мой верный гусеничный конь! – Морозко присел перед агрегатом на корточки, одной рукой с фонарём освещая его железную начинку, другой проверяя крепость гаек, завёл аппарат, чтобы прогреть хорошенько. – Уж сколько лет мы с ним Тайгу бороздим! Как-то раз он помог мне парочку браконьеров спасти. Они решили, что бурые медведи – это товар. А звери спросонок тоже по-своему рассудили, представили этих ребятков в виде завтрака, раз уж довелось проснуться посреди зимы. Охотниками они были, мягко говоря, неопытными. Как увидели медвежий оскал в берлоге, да ещё ружья у них то ли осечку дали, заклинило их как будто... В общем, бегут, орут что есть мочи. А за ними двое мишек неспешно так прогуливаются. Провожают, стало быть, охотничков, чтобы впредь неповадно было будить. Да если звери захотели бы, то тех браконьеров от берлоги не отпустили, прямо там задрали, да и дело с концом. Я как раз объезжал свою территорию на «Бурани» и крики их слышал. А когда подъехал ближе, то чуть не расхохотался от увиденной картины. Но делать нечего, надо спасать. Всё-таки люди помощи просят, да и сдать их следовало органам. Въехал я на снегоходе между мишками и теми пареньками, мотором слегка порывал, пофыркал – звери и остановились.

Причём стояли в снегу посреди поляны и так понятно, по-человечески смотрели на меня. Будто что-то сказать хотят, а не могут. Я их с первого месяца работы здесь приметил. Хоть и не молодые животные, зато крупнее прочих своих сородичей.

– Понять звериный язык не каждому дано, – задумчиво произнесла Снегурка.

За разговором они не заметили, как грохот наверху стих. Либо ледяные снаряды закончились, либо загадочные враги обнаружили, что дома уже никого нет.

– Заболтались мы с тобой, Снегурка, – Морозко сел на «Бурани» и повернул на себя рукоятку. Снегоход мощно рыкнул, показывая хозяину готовность к скорой встрече с сугробами и ледяным настом. – Садись скорее позади меня.

– Куда поедет? – по-деловому осведомилась девушка, устроившись на сиденье и поправив свою белую шубку.

– А тут недалеко есть у меня запасная заимка. Газуем? – Морозко кистью правой руки рванул рукоятку «Бурани» на себя и отпустил сцепление. Снегоход бодро сорвался с места, оставляя за собой на снегу один широкий след от гусеницы и два узких от полозьев.

Если бы они задержались ещё на пару секунд, то увидели бы, как потайная дверь с хрустом вылетела вон, и как из тёмного проёма вырвался клуб морозного пара. Кто-то, стоя в непроглядной смеси из темноты и студёной дымки, молча смотрел на опустевший гараж.

БЕГСТВО В ЧАЩЕ

Разбрызгивая вокруг себя фонтанчики снега, Морозко и Снегурка мчались на рокошущем снегоходе меж вековых деревьев. Могучие стволы сосен и кедров мелькали так быстро, что рябило в глазах, но снижать скорость Морозко не собирался. Даже вылетев из узкого гаражного тоннеля наружу, он не позволил себе оглянуться, окинуть прощальным взглядом свой дом. Ведь когда ты управляешь снегоходом в густом лесу, потеря внимания чревата быстрой аварией. А может, парень не хотел видеть исковерканным жилище, которое давно стало ему родным.

Как быстро всё обернулось! Считанные часы – и он больше не лесник Алёша, а Владыка Тайги. Его дом пал под градом льда, а позади него на снегоходе сидит Снегурочка, девица из какого-то другого, неведомого мира. Впрочем, не о таких ли переменах мечтают люди, однообразно засыпающие каждую ночь и просыпающиеся в своих скучных постелях, глядящие на пейзаж за окном, который никогда не меняется? Но почему-то сейчас, когда по его лицу с бешеной скоростью хлестал морозный ветер, окончательно унося с собой прежний, неспешный лесничий быт, о выгодах нового положения Морозко не думалось вовсе.

Они только что избежали страшной гибели, и во всей дремучей Тайге осталось только одно более-менее надёжное место, где можно укрыться на время – запасная заимка.

Могуча и широка лесная «грудь» страны! Но попробуй-ка в ней схорониться, когда за тобой охотится неведомо кто. «Будем скакать из чащобы в чащобу, как блохи меж волчьей плешки», – досадливо поджал губы Морозко.

– Владыка! – звонкий окрик Снегурки взрезал ему ухо.

– Чего? – Морозко постарался перерычать мотор. Если бы они общались не на скорости под пятьдесят вёрст в час, а, например, спокойно стояли где-нибудь под кронами лиственниц, изо рта могли красиво вырываться облачка пара.

– Кажется, не отстают!

– Кто? – у Морозко ёкнуло сердце.

– Снеговики королевские! Они уже минут пять за нами катятся!

Нужно было оглянуться, оценить ситуацию, но это было слишком рискованно. Одно неверное движение – и снегоход расплющится о ствол ближайшей же сосны, вместе с ним и хрупкой пассажиркой. Поэтому Снегурке он поверил на слово.

– Я постараюсь сильнее газовать! – взревел Морозко в унисон с «Бураном».

– Не поможет! – Снегурочка завожилась у него за спиной, будто пересаживаясь поудобней. – Лучше сбавьте ход! Я сейчас их..!

Что она собралась сотворить с королевскими снеговиками, Морозко не расслышал, но чуть ослабил хватку на ручке акселератора. Осторожно скосив глаза вбок, он смог разглядеть поравнявшиеся с ними огромные комья снега. Отливающие краснотой шары в человеческий рост, одни чуть больше, другие – поменьше, катились меж деревьев. Их было около тридцати таких, и ни одного привычного глазу снеговика, эдакого трёхшарового пухляша с тонкими прутиками вместо рук и носом-морковкой.

«Да ведь это катятся их отдельные части!» – мелькнула догадка у Морозко.

Некоторые комья, не успевая маневрировать между частыми стволами, обчёсывали свои крепко скатанные бока о древесную кору, будто оставляя на ней снежные метки. Морозко такое диво наблюдал впервые, но сразу понял, что если хотя бы один шар догонит снегоход, то им несдобровать. Раздавит, сомнёт, со снегом смешает!

Тем временем Снегурочка, развернувшись к Морозко спиной, устроилась поудобней, насколько это позволяла сидуха «Бурана». Девчушка вдруг захлопала в ладоши, будто приветствуя чьё-то выступление. При этом лицо её было не восторженным или радостным, а сосредоточенным.

От снегуркиных хлопков между одетыми в посеребрённые рукавички ладошками начали появляться крошечные завихрения: сначала махонькие, размером с ягоду брусники, потом – суть больше, с еловую шишку, затем – с нагулявшего жирок снегиря. С каждым «пуф!» выюга в миниатюре набирала силу и становилась всё отчётливей. Почти прозрачная сфера в несколько хлопков приобрела холодно-голубоватый оттенок.

Наконец Снегурочка расхлопала свой снаряд до приличного размера и ловко метнула его в ближайший красный ком. Он тут же разлетелся на мириады снежинок, из которых был крепко слеплен. Холодными брызгами обдало и седоков. Не мешкая, Снегурка нахлопала новый снаряд-вихрь и снова метко запустила его в преследователя. Ещё один шар навсегда слился с покатыми спинами сугробов.

И всё же скользящих за ними по пятам частей снеговиков оставалось немало. Снегурка не могла делать свои снежные ядра быстрее, чем оно выходило. Она старалась изо всех сил, а Морозко напрягал всё своё внимание, дабы не расплющиться об какую-нибудь вековую сосну. Он зайцем петлял между деревьев, порой едва не задевая железной гусеницей преследовавшие их шары. Казалось, ещё мгновение – и снежный валун обрушится на них со страшной силой, навеки похоронив под собой снегоход и молодую пару. Но каждый раз Морозко успевал за секунду до столкновения увести снегоход в сторону.

Погоня продолжалась.

Впереди, между деревьев, яркими пятнами замелькал просвет. «Поляна!» – догадался Морозко, но это была мысль не из обнадёживающих. Ему не хотелось выезжать на открытое пространство, где их можно будет легко окружить. Впрочем, на манёвры времени уже не оставалось. Пришлось вырывать на ослепительно-белое пространство, вспоров девственный снег лесной поляны гусеницей снегохода. Королевские снеговики высыпали из-за деревьев вслед за ними.

Зато теперь, на открытом пространстве, можно было выжать из «Бурана» всю его мощь. Снегоход рванулся вперёд, растревожив своим рёвом дремотный покой зимней Тайги. Вороньё вспорхнуло с насиженных веток и яростно горланило, кружа над песчовыми шапками крон. Гнавшаяся за зайцем лиса едва успела отскочить от гусениц снегохода. Пока она ошалело смотрела вслед ревушей машине, заяц воспользовался шансом и дал стрекача в сторону леса. Но мгновение – и его смёл громадный ком из снега, мелких сухих веток, сосновых иголок и шишек. Теперь и косой стал частью таёжной погони.

Краем глаза Морозко видел круглые бока преследователей. Снегурочка наблюдала за их перемещениями из удобной позиции, и ей было очевидно намерение королевских снеговиков взять «Буран» в кольцо. Она беспрестанно нахлопывала свои чудодейственные снежки и метала их так метко, насколько это было возможно в условиях бешеной скорости и тряски. Постепенно красноватых шаров становилось всё меньше, но оставалось ещё около двадцати неотвратимых круглых убийц. Они были быстрее «Бурана», им было где разгуляться на широкой поляне, да и топливом им заправляться не надо. Было лишь делом времени – причём очень короткого времени – что манёвренные и скоростные валуны из снега стиснут их в своих недружеских объятиях.

Решение было принято в одно мгновение. Если погибать, то красиво!

– Ну-ка, крепче ухватись там за что-нибудь! Газуем! – с таким кличем Морозко чуть ли не на дыбы поднял гусеничный агрегат, развернув его на сто восемьдесят градусов. Каким чудом смогла удержаться в седле Снегурка, не ответили бы даже самые мудрые зимние волшебники.

Морозко хотел облапошить преследователей и – пока они скользят по инерции дальше – резко дать дёру в противоположную сторону. Да не тут-то было. «Буран», не выдержав напряжения, виновато фыркнул и заглох...

– Чтоб тебя! – Морозко хотелось высказаться как-нибудь позаковыристей, но при Снегурке он сдержался. Он досадливо прикусил язык, судорожно пробуя реанимировать транспорт. – Ну, давай же, дружище, газуй!

Проворачивание ключа в стартере и выжимание гашетки не помогло. Отступать уже было некуда. Морозко и Снегурочка даже не успели закрыться руками, прежде чем в них врезался огромный красный ком... Впрочем, всё равно выставленные перед собой ладони ещё никого не спасли от тяжёлой машины.

***

Натужно звенит голова. Она теперь – колокол, в который бьёт какой-то рьяный дьячок. И слабость во всём теле. Не хочется ни шевелиться, ни глаза открывать. Тело требует абсолютного покоя.

Что-то подобное Морозко уже испытывал однажды, когда слёг с гриппом. Ох и бредил он тогда! Весь полыхал, как печка, но крепкий организм сумел выкарабкаться, и ещё недели две молодой лесник приходил в себя после того недуга.

А сейчас сквозь ушной трезвон прорывались голоса:

– Что нам теперь делать? Она уже скоро будет здесь, а мы ей покажем... это?

– Да кто ж знал, что они столбом станут посередь поляны!

– Ох и достанется же нам на леденцы с кислой клюквой!

Молчание.

Из-за тишины звон в ушах перерос в бесконечно мучительный монотонный писк. Морозко поморщился и ощутил вместо лица саднящую рану.

– Значит, так... – более низкий и властный голос прорвался в пульсирующее сознание Владыки Тайги. – Не будем беспокоиться о том, в чём нет нашей вины. Это раз. Во-вторых, кто сказал, что он мёртв? Я вижу распростёртое тело, но разве я уверен, что жизнь покинула его?

Морозко насторожился. Тело? Одно? То есть...

– Мудрые слова! Вот прибудет Её Величество и проверит, жив ли парень-то! А потом его и...

– Тихо! Вы слышите? – осёк другой говорящего. Очередная напряжённая пауза, и вдруг...

Хлон! Хлон-хлон!

Тихий свист и ещё один хлопок. Морозко не видел, но хорошо чувствовал и слышал внезапную панику, возникшую возле него.

– Атака!

– Откуда?!

Хлоп!

И тут же команда властным басом:

– Всем в круг! Сомкните круг!.. Да нет же, вокруг него выстройтесь, болваны!

Морозко услышал, как подле него закряхтел снежный покров. «Неужели они закрыли меня собой? Что ещё за самопожертвование?».

То, что это были именно преследовавшие их снеговики, он не сомневался. Как и был уверен в причине их тревоги. Снегурочка! Под нечастые, но уверенные хлопки крепких снежных снарядов по более крепким снежным телам Морозко решал, как может помочь своей боевой подруге.

Удивительно, как скоро можно обрести человека, с которым ты готов рисковать головой! Стоит только попасть в совместное приключение и всё – боевые товарищи навек!

– Да вон же они! – раздался уже знакомый низкий голос где-то слева от Морозко.

– Наконец-то добрались Её Величество! – произнёс ещё один снеговик с явным почтением. У Морозко ёкнуло где-то на границе между рёбрами и брюхом. Отчего-то он был уверен, что встреча с владычицей королевских снеговиков не сулит ему пряников с диким мёдом.

«Они»... Что ещё за «они»? Привычка говорить о ком-то в третьем лице – пожалуй, не самая верная. Поди теперь догадайся: их хозяйка появилась здесь одна или со свитой? А может, ещё какой неслабый волшебник с ней рядом? Ну ничего, сейчас он всё узнает.

***

Мгновения тянулись будто первая весенняя капель. Время всегда мучит того, не в чью пользу тикает. По-прежнему не шевелясь, Владыка Тайги чуть приоткрыл веки, дабы оценить обстановку, и тут же их зажмурил, ибо зрачки ему чуть не выжгло снежной белизной. Тогда он впустил в себя этот жгучий свет постепенно, сквозь ресницы и невольно наплывшую слезу.

Его и впрямь обступили валуны с красноватым отливом. Теперь – двухэтажные, один снежный ком взгромоздился на другой. Вместе снеговики образовали собой высокую прочную стену. «Прямо как снежная крепость, – подумал Морозко. – Через такую Снегурке ни за что не прорваться».

Как же ноет тело... Как противно пульсирует кожа лица... Сквозь ресницы Морозко постарался рассмотреть, где же теперь остатки несчастного «Бурана», но так и не увидел их. Стало быть, при столкновении его отбросило далеко. Покойся с миром, железный дружище. Пусть снег этой поляны мягко укутает твои лыжи и гусеницу, а летом сквозь них прорастёт сочная морошка.

Своей бобровой шапки на голове Владыка Тайги тоже не ощущал – видать, слетела, и уже не найти. Впрочем, голове Морозко не было холодно.

Снеговики о чём-то волнительно перешёптывались, но постепенно умолкли. Значит, их хозяйка совсем рядом. Видимо, самый главный из королевских снеговиков торжественно про-
басил:

– Приветствуем вас, Снежная Королева!

СУТРОБЫ НА ПОЛЯНЕ

От одного её присутствия всё вокруг мгновенно покрывалось грубой коркой льда. Даже сам воздух становился жгучим, драл горло, застревал в ноздрях. И без того покалеченный Морозко едва не застонал, когда его шею будто перехватило ледяным обручем.

Снежная Королева сверху вниз смотрела на беспомощно распластанного Владыку Зимней Тайги. Высокая и статная, она ослепляла и внушала трепет. Глядя на неё, вряд ли кто мог сомневаться в истинном величии Королевы.

Какое-то время она спокойно разглядывала лежащего в снегу Морозко. Затем над ним пригоршней ледышек рассыпался тихий звон её голоса.

– Это и есть он?

– О да, Ваше Величество! Тот самый! Не извольте усомниться, – затараторил, судя по всему, главный из снеговиков. И снова ледяной звон, почти не разжимая белых губ:

– Жалкий... Ничтожный... Как он может быть Владыкой?

Снеговик затрепетал, задёргался пуще прежнего:

– Не могу знать, ваше Величество! Да только это точно он, больше некому.

– Где девчонка? – осекла его Снежная Королева.

На пару секунд в морозном воздухе повисла пауза. Тишина льдинками царапала уши Морозко.

– Вы упустили её, – сама ответила Снежная Королева.

– Это ненадолго, Ваше Величество, не извольте беспокоиться! Отряд уже прочёсывает лес.

– Головой отвечаешь, – каждое её слово – будто ледяной укол в сердце. – Этот жив?

– Не могу знать, Ваше Величество! Мы ожидали Вас, охраняли тело, чтобы Вы лично проверили...

– Подними его.

Не открывая глаз, Морозко почувствовал, как ему под спину будто снега напихали. Холодные снежные объятия приподняли его так, чтобы он мог сидеть. От резких движений тело накрыла волна боли. Он едва не закричал, но где-то на игольном кончике воли нашёл в себе силы притворяться мёртвым и дальше.

– Врёшь, – слово кольнуло его слух. – Всё ты чувствуешь.

Подивился Морозко такой прозорливости, но решил доиграть роль до конца. Однако помимо его воли глаза распахнулись сами. Это было очень больно. Привыкшие к полутьме зрачки нещадно разрезал яркий зимний свет, во сто крат усиленный мириадами снежинок вокруг, лежащих на поляне.

Он не сразу различил округлые черты выстроившихся в ряд снеговиков и высокий, словно выточенный из самого чистейшего и прозрачнейшего в природе льда, облик Снежной Королевы. Она была воистину прекрасна и притягательна в своей ледяной красе. Будто искусный скульптор выточил идеальную женскую фигуру из льда. Хрупкая лишь с виду раскрасавица. Там, где у обычного человека находятся глаза, у неё поблёскивали бледно-голубые льдинки. В них было столько холодной и ничем неприкрытой ненависти, что Владыку Зимней Тайги невольно передёрнуло.

– Ты... – слова её резали морозный воздух. – Жалкий урод.

Морозко возразил бы, да говорить ему было трудно.

– Я сотру тебя с лица Тайги. Смешаю со снегом.

Морозко покорно слушал звенящие угрозы, а глаза его слезились от обилия яркого света.

– Я восстановлю силы, и ты пожалеешь, что живёшь.

«Восстановлю силы»... Наконец Морозко понял, почему Снежная Королева говорила короткими фразами и так тихо. Она слишком много энергии потратила на разгром его несчастной избушки и погоню. Но долго ли ждать, пока волшебные силы вернуться к ней? Сколько у него остаётся времени на то, чтобы придумать план спасения?

– Но прежде... Я найду эту девчонку. Разорву её ледяными кольями. У тебя на глазах. Морозко только зубы стиснул сильнее. Надо же, такая ослепительно-прекрасная женщина – и вдруг столько жестокости!

– А ваши ничтожные останки отправлю в Устюг...

Как будто земля дрожит? Или?..

– Пусть старый болван полюбуется... разрушенными надеждами.

Определённо – земля дрожит. Даже сквозь снежный покров была ощутима вибрация.

– Что это? – Снежная Королева, не поворачивая головы, обратилась к главному снеговика. Отчего-то было понятно, что именно к нему.

– Пока не могу знать, Ваше Величество! Сейчас выясним! Ты, ты и ещё ты – скатайтесь, посмотрите, что там!

Чудные дела! Только сейчас Морозко заметил, что глаз и ртов у красных снеговиков совсем не было. Однако слова их он слышал очень хорошо. Это тоже какой-то бонус для него, как Владыки?

Снег на поляне вибрировал всё сильнее...

***

Снежная Королева почти сразу догадалась, кто заставил дрожать окаменевшую землю Тайги. Это мчали сквозь лесную чащу снеговики. Только подчинялись они не Её Величеству, а другому великому зимнему волшебнику.

– Мерзкая девчонка... – выдохнула Снежная Королева. – Это она позвала... Уходим! Нам столько не одолеть.

– Слушаюсь, Ваше Величество! – браво гаркнул воевода. – Всем приготовиться к отступлению!

Морозко почувствовал, что будто бы хватка невидимой силы ослабла. Теперь он мог беспрепятственно моргать и двигать головой, осматриваться. Красные шары суетливо выстроились в две шеренги.

– Мы готовы, Ваше Величество! – доложил воевода-снеговик.

– Этого здесь оставите? – сверкнула на него горящими льдинками-глазами хозяйка.

– А... как же мы его?

– Болван!

Морозко вновь почувствовал, как его берёт в объятия невидимый ледяной обруч.

– Ты! – кивнула Снежная Королева на воеводу. – Лично за него отвечаешь. Возьми его в себя и катись. Южной стороны держись. Быстро!

Воевода подкатил к Морозко и... вдруг прыгнул на него сверху.

Если кто однажды нырял в большой сугроб, тот помнит эти ощущения. В одну секунду будто пропадаешь в мёрзлой тесноте – не мягком пуху, тихо падающем с небес и ласково укутывающем землю, а в очень холодном и тесном чулане. Изнутри сугроб совсем не белый, а пугающе тёмный, отнимающий живительный воздух.

Морозко переживал сейчас похожие ощущения, только не он прыгнул в сугроб, а наоборот. Владыку Тайги со всех сторон стиснуло прессованным снегом. Он был обездвижен, не мог даже пальцем пошевелить. Даже простонать от боли не мог, а очень хотелось, ибо его израненному телу пришлось несладко.

Потом этот синий снежный ком покатился вперёд вместе с Морозко. Сначала было терпимо, но снеговик-воевода только набирал скорость. Владыку Тайги мотало так, что он не понимал, где верх, а где низ, где голова, а где ноги с руками. Тело отзывалось болью на каждую кочку, дышать было нечем, и Морозко чувствовал, что задыхается.

Обычный человек не протянул бы и пары минут, но... Сколько можно продержаться в таком положении, если имеешь волшебное происхождение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.